

У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

Информационно-аналитический бюллетень №29 (227)

Тихоокеанская Россия – что это такое?

(по материалам круглого стола)

Отдел изучения международных отношений
и проблем безопасности
ИИАЭ ДВО РАН

Содержание

Информация о круглом столе	2
<i>П.Я. Бакланов.</i> Тихоокеанская Россия или Дальний Восток?	4
<i>Ю.А. Авдеев.</i> Тихоокеанская Россия	9
<i>Н.И. Фокин.</i> Что такое Тихоокеанская Россия? Взгляд экономиста	14
<i>Л.Е. Фетисова.</i> Историко-культурное своеобразие Тихоокеанской России.....	17
<i>А.Е. Савченко.</i> Тихоокеанская Россия в центр-периферийном дискурсе	23

Круглый стол

«Тихоокеанская Россия – что это такое?»

29 ноября 2012 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по инициативе Отдела международных отношений и проблем безопасности состоялся круглый стол по теме «Тихоокеанская Россия – что это такое?».

Значение поставленного вопроса выходит далеко за рамки академической дискуссии. В июле 2010 г. президент России Д.А. Медведев заметил: «От того, как мы используем слова, в нашей жизни кое-что зависит». Это высказывание относилось к речи приморского губернатора С.М. Дарькина об авиасообщении, в которой были упомянуты перелеты с Дальнего Востока в Россию. Президент напомнил, что Дальний Восток такая же Россия, как и любая другая часть страны¹. Вместе с тем эта реплика стала признанием на высшем политическом уровне существования проблемы отношения к Дальнему Востоку со стороны как московских, так и местных политиков.

Внимание Кремля к Дальнему Востоку и объем инвестируемых в него средств ставят вопросы о целесообразности масштабных вложений и обоснованности выбранных приоритетов. Ответ напрямую зависит от «взгляда» на Дальний Восток. Куда страна вкладывает деньги – в малонаселенную окраину, в военный форпост, или же это вложение России в собственное будущее? Долго ли Дальний Восток будет оставаться дальним, далеким? Не закреплена ли в названии региона периферийность его значения? Может быть, правильнее называть эту часть страны Тихоокеанской Россией?

«Тихоокеанская Россия» – что это такое? Модное название, навеянное представлениями о том, что АТР – это регион XXI века? Игра региональ-

¹ Стенографический отчет о совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона // ПРЕЗИДЕНТ.РФ: официальный сайт Президента России. URL: <http://президент.рф/выступления/8234>.

ных политиков и интеллектуалов? Или же это словосочетание отражает глубокий исторический сдвиг в геополитической ориентации России, символизирует, что этап освоения Дальнего Востока завершился и начинается полноценное его развитие?

В этих вопросах попытались разобраться участники круглого стола – ученые, специализирующиеся в разных областях научного знания: географии, экономике, истории, политике и культуре.

Заседание вел доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН **Виктор Лаврентьевич Ларин**.

В качестве докладчиков выступили:

- директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, доктор географических наук, академик РАН **Пётр Яковлевич Бакланов**;
- кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ТИГ ДВО РАН **Юрий Алексеевич Авдеев**;
- кандидат экономических наук, профессор кафедры мировой экономики ДВФУ **Николай Иванович Фокин**;
- кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН **Лидия Евгеньевна Фетисова**;
- кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН **Анатолий Евгеньевич Савченко**.

Тихоокеанская Россия или Дальний Восток?

Пётр Яковлевич Бакланов,
директор Тихоокеанского института
географии ДВО РАН, доктор географических наук, академик РАН.

В последние пять-шесть лет стали появляться исследования по теме *Тихоокеанской России*. Мы, в частности, выпустили две книги: «Экономика, географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России» и «Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего и будущего» (совместно с институтом истории ДВО РАН). Трудно точно установить, кто первым стал использовать это словосочетание применительно к дальневосточному региону, но можно назвать несколько исследователей, стоявших у истоков формирования термина – это В.Л. Ларин, Ю.А. Авдеев и я. Неоднократно использовал это название в статьях доктор экономических наук, директор Института экономических исследований ДВО РАН П.А. Минакир. А бывший приморский губернатор С.М. Дарькин даже вынес его в заглавие своей книги «Тихоокеанская Россия: стратегия, экономика, безопасность».

Какой в этом смысл и почему лучше использовать выражение *Тихоокеанская Россия*, а не *Дальний Восток*? Первый довод: в последнем содержится спорное значение относительности. Таких географических названий много: Западное и Восточное полушария с точки зрения положения к меридиану Гринвича, Северная и Южная Корея, Северный Вьетнам; Ближний, Средний, Дальний Восток. Причина их распространенности заключается в европоцентризме, согласно которому центр экономики и культуры сформировался в Европе, а затем распространялся с продвижением ее жителей в другие регионы. Жители России, особенно сибиряки, пытаются выделять Ближний Север (чуть севернее Транссиба), Средний Север (Тюменская область и север Томской области), а вот выражение *Дальний Север*

как-то не прижилось, вместо него используется *Крайний Север*, т.к. за ним уже Ледовитый океан. Всё это относительные названия, но такая относительность не имеет строгих оснований. Прекрасно известна история освоения земель российскими путешественниками, исследователями, военными: все они пришли на Дальний Восток из центральных районов. Однако для жителей нашего края он уже не является дальним, как и для населения соседних регионов, потому что они и сами живут на востоке. А для японцев мы вообще не восток, а запад.

Есть и второй довод в пользу *Тихоокеанской России*. Если посмотреть на Дальневосточный федеральный округ, мы увидим нарастание экономико-географического тяготения его территорий к востоку, Тихому океану. В чем оно проявляется? Во-первых, в ориентации основных транспортных магистралей: Транссибирской и в еще большей степени, если исходить из направления грузов и вектора освоения, Байкало-Амурской.

Во-вторых, в инфраструктуре, ориентированной на Тихий океан: транссибирский трубопровод «Тайшет – Дальний Восток», мощнейший морской терминал под Находкой, энергия от Бурейской ГЭС перебрасывается в том же направлении. И еще один проект, который пока не реализован, но достаточно четко проектируется, – мощный газопровод параллельно с нефтепроводом, который будет передавать газ с Юго-Западной Якутии до Хабаровска, где он присоединится к уже готовому трубопроводу с Южно-Сахалинска. И в дальнейшем газ пойдет к берегам Тихого океана. В-третьих, усиливается тяготение земель Дальневосточного федерального округа к ресурсам океана. Кроме традиционных рыбных, на Сахалине осваиваются нефтегазовые ресурсы, начинаются разведочные бурения на шельфах Камчатки, Арктическом шельфе, в Магаданской области. Есть хорошие оценки наличия газовых гидратов, фосфорных ресурсов, титаномагнетитовых россыпей на дне океана, а также энергетических ресурсов в проливах между Курильскими о-вами.

В-четвертых, рост интереса к океану как транспортному, транзитному потенциалу и через океан – к расширению рыночного пространства на территории соседних стран.

Более того, очевидно тяготение соседних земель к нашей территории и Тихому океану, его многофункциональности. Программные документы «Стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона на 2023 г.» – это предпосылки сближения Байкальского региона с Дальним Востоком и рыночным пространством АТР. В сфере экономической географии иногда спорят, к какому региону экономически ближе Якутия: к Сибири или Дальнему Востоку. Как определить, на каком расстоянии от прибрежной зоны размещаются предприятия, связанные с морем? Например, Нерюнгринская ГРЭС работает уже больше на восточные районы, чем на Якутию. Судостроительные предприятия, которые возрождаются в Благовещенске и в Хабаровске, ориентированы на строительство судов «река-море». Это тоже морехозяйственные структуры, находящиеся вдалеке от моря, но и они ориентируются на восток. Есть мировая тенденция сдвига населения к берегам мирового океана, и подсчитано, что в двухсоткилометровой зоне от побережья морей и океанов проживает более половины населения земного шара. На Дальнем Востоке более 60% городского населения живут в трехсоткилометровой полосе.

Есть и третий блок оснований. Оценивая современное состояние, особенно в сфере экономики и ресурсов, в какой-то мере даже экологии, перспективы, мы базируемся только на районах сухопутных, например Уральский район. А у Дальнего Востока огромная, более чем 20 тыс. км по основной части, не включая острова, береговая линия, выходящая к шести морям и Тихому океану. Конечно, если рассматривать рыбную отрасль, то прямо или косвенно нужно учитывать морскую составляющую. Тем не менее иногда мы забываем, что по международному праву Россия установила в море двухсотмильную экономическую зону и все природные ресурсы этой зоны полностью принадлежат нам, это наш природный потенциал. Иностранцам судам плавать в ней разрешено, но добывать ресурсы без соответствующего договора никакая страна не имеет права. И говорить о планах и перспективах Дальнего Востока, не рассматривая эту гигантскую зону (более 5 млн кв. км), некорректно. Дальневосточный регион России следует рассматривать как регион территориально-акваториальный, со

6

всеми природными ресурсами двухсотмильной зоны тихоокеанского побережья и сектора Северного Ледовитого океана. В этом случае мы получим более полную картину как в географическом и в природно-ресурсном отношении, так и в отношении перспектив экономического и социально-экономического развития и взаимоотношения с другими странами. Мы определяем экономико-географическое положение Тихоокеанской России так: это 6 млн кв. км суши и 5 млн кв. км воды, плюс тяготение соседних территорий к океану. Напротив, в названии *Дальневосточный регион* значения 'океан' нет. Оценивая экономико-географическое положение как главную особенность нашего региона, мы выделяем контактные структуры и функции, связывающие море и сушу (в природной, природно-ресурсной и социально-экономической сферах). Дальний Восток только как суша не существует, он неразрывно связан с океаном, что проявляется и в природе, и в ресурсах, и в социально-экономических процессах. Такие же контактные структуры существуют во взаимодействии России с другими странами и по сухопутной границе, и по морской.

На территории России сформировалась геополитическая асимметрия: её социально-экономический потенциал резко падает с запада на восток, а геополитическая мощь восточных соседей, наоборот, растет. На западе первый пояс соседства – наши бывшие республики, второй пояс – бывшие социалистические страны Восточной Европы, и те и другие отворачиваются от нас к Западу. Кстати, мы привыкли относить к Западу Америку, а ведь с географической точки зрения она ближайший сосед России на востоке через Берингов пролив. Наша особенность – слабый, по сравнению с сопредельными странами, социально-экономический потенциал на востоке. Однако именно здесь нашими соседями являются крупнейшие государства, более развитые в экономическом, оборонном и военном отношении: США, Китай, Япония. Корея также развивается и при объединении станет сопоставимой с крупными европейскими странами: Германией, Францией и Великобританией. Это говорит о том, что Россия должна укреплять свои позиции на востоке: здесь непростая ситуация в политических взаимоотношениях, вопросах определения экономических зон, пользования ресурсами

мирового океана. Мы должны постоянно помнить об этом дисбалансе. В данном случае, если мы говорим о Тихоокеанской России, то мы переносим и мощь, и потенциал России (мысленно) сюда, к возможностям суши добавляем суверенный потенциал морской экономической зоны, а он очень внушителен. Если к 6 млн кв. км суши, что составляет 30% всей российской территории, прибавить 5 млн кв. км, получится более 11 млн кв. км (вся территория России – 17 млн кв. км) – это и есть Тихоокеанская Россия.

В географии есть понятие бассейновых экосистем: бассейн реки, бассейн моря. Это целостная система, с которой связаны природные процессы и ресурсы. Например, оз. Ханка: большая часть акватории озера принадлежит нам, меньшая – Китаю. Можно ли оценить рыбные ресурсы озера и организовать их нормальное использование в пределах одной страны? Нет. Для таких систем должна осуществляться оценка природных ресурсов, возможностей природопользования и регулирования экологических процессов. Всё это должно базироваться на долгосрочных межгосударственных связях и отношениях – это объективные условия сотрудничества. Трансграничность – объективная предпосылка: хотим мы или нет, но, чтобы вести дела нормально, обязаны сотрудничать. В России есть несколько трансграничных зон. С Японией нас объединяет Охотское море, с США – Берингово море. И рыбаки уже давно это почувствовали. Существуют комиссии, которые занимаются совместными оценками, установлением квот, нормативов и т.д. Японское море ещё более трансгранично: пяти странам, включая Китай, принадлежит часть его бассейна. На одном берегу Японского моря выбрасывают мусор, а находят на противоположном – даже поддерживать в чистоте окружающую среду в его бассейне невозможно силами одной страны. То же и с рыбными запасами, которые только совместно можно изучать, оценивать и использовать. Трансграничность говорит о том, что в ряде случаев мы должны взаимодействовать через морские пространства и выходить на тесные, устойчивые, долгосрочные связи с другими государствами, чтобы поддерживать в нормальном состоянии и эффективно осваивать потенциал Тихоокеанской России.

Тихоокеанская Россия

Юрий Алексеевич Авдеев,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ТИГ ДВО РАН.

В последние десять лет термин *Тихоокеанская Россия* все чаще появляется на обложках солидных изданий. Но пока это не более чем новая «вывеска» на восточной части страны. А смысл в том, что этот термин несет в себе не столько географическую, сколько социально-экономическую нагрузку. Сам по себе Дальний Восток для Москвы всегда будет оставаться далеким, так же как для жителя Владивостока недосягаема Чукотка. Но если Папуа – Новая Гвинея или Бруней будут испытывать устойчивый спрос на металл Череповецкого или Ново-Липецкого металлургического комбината, то географическое расстояние отразится лишь на цене конечного продукта, но не будет препятствием для бизнеса. А для удобства ведения таких операций потребуется поместить штаб-квартиру во Владивостоке или Хабаровске, потребуется расширить сферы банковских, страховых и прочих услуг. Возникнет необходимость в дополнительных или сопутствующих производствах и услугах. Такое движение и рост экономического потенциала можно будет называть Тихоокеанской Россией. Именно экономический потенциал России, который ориентированный на рынки АТР и реализующийся через российский Дальний Восток: его морские и воздушные порты, создаваемый бизнес, принятие решений здесь и сейчас, а не с разницей в семь часов – это и будет содержанием нового термина. С этой точки зрения Тихоокеанскую Россию еще предстоит развивать. Пока же, за время формирования нового «бренда» региона, отсюда ушли не только представительства компаний центральных районов России, но и бизнес, существовавший здесь всегда, а с ним и люди, которых остается все меньше и меньше.

Причин, по которым экономическое явление *Тихоокеанская Россия* пока не возникает, несколько, но принципиально важно то, что за годы новейшей истории России так и не сложилась внятная дальневосточная стратегия. Будет ли развиваться регион, важно ли стране наличие территорий в этой части планеты, будем ли мы позиционировать себя как морскую тихоокеанскую державу, важен ли для нас Тихоокеанский флот, что делать с людьми, которые пока еще не уехали? Много примеров непоследовательных, импульсивных, а порой и просто географически необоснованных решений, которые не позволяют увидеть стратегическую линию государства в отношении этого региона. Даже прошедший во Владивостоке саммит АТЭС больше похож на экспромт, в котором никто внятно не объяснил собравшимся, чего мы хотим, и экономические представители двадцати стран так и не поняли, зачем их сюда пригласили. *Поэтому первым и принципиально важным является вопрос о долгосрочной российской стратегии в восточном направлении. И не менее важно, как и за счет каких мер преодолеть тенденцию к катастрофической убыли населения российского Дальнего Востока, наблюдаемую в течение последних двадцати лет.*

С какими странами соседствует Россия на Дальнем Востоке?

Прежде всего Китай, сухопутная граница с которым составляет более 3,4 тыс. км. В трех соседних северо-восточных провинциях проживает более 100 млн человек, что в разы больше населения всего Дальнего Востока. В целом же население Китая (1,3 млрд чел.) сопоставимо с суммарным населением пяти наиболее крупных стран АТЭС (включая Россию) и девяти стран с населением свыше 10 млн чел. Еще в 10-ти странах АТЭС проживает в три раза больше, чем в России (447,9 млн чел.), но каждая из них численно не дотягивает до 100 млн (только в трех больше 50 млн чел.). В четырех странах (Гонконг, Сингапур, Новая Зеландия и Папуа – Новая Гвинея) численность населения сопоставима с Дальним Востоком России: менее 10 млн. И совсем миниатюрный Бруней, в котором проживает меньше людей, чем во Владивостоке (404 тыс. чел.).

По территории (6,2 млн кв. км) наш регион находится в одном ряду с Китаем (9,6 млн) или США (9,4 млн). По плотности населения достаточно

10

сравнения с тремя территориями: северо-восточные провинции Китая, Республика Корея и Япония. На одном квадратном километре Дальневосточного федерального округа насчитывается один человек, тогда как в Китае на такой же площади проживает 179 человек, в Республике Корея – 240, а в Японии – более 320 человек. Даже самая высокая плотность населения в Приморском крае составляет всего 12 человек на квадратный километр.

Какие тенденции преобладают, и каковы перспективы демографического развития России, ее восточных регионов и стран АТЭС?

Если проследить 50-летнюю динамику демографических показателей, обнаружим, что самый скромный рост населения наблюдался в России: нас стало больше всего на 18%. В наиболее экономически развитых странах, например в Японии и Республике Корея, он колеблется в диапазоне от 35% до 95%. Даже при жестком регулировании численности населения в Китае (одна семья – один ребенок) демографический рост за полвека составил 99%. В остальных странах за это время население удвоилось или даже утроилось, а население Брунея увеличилось в пять раз. Только в Японии и Республике Корея наблюдалось замедление роста численности за последние два десятилетия, тогда как в России за это же время происходит абсолютная убыль населения. Самые большие потери на Дальнем Востоке (более 20%). В абсолютном выражении регион сократился более чем на 1,5 млн чел., что равно численности населения Хабаровского края. Причем никаких признаков изменения этой тенденции нет, и по разным оценкам к 2050 г. здесь может остаться от 4 до 4,5 млн чел.

В последние годы государство предпринимало усилия по увеличению населения, но ни материнский капитал, ни программа по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, так и не дали результатов. А ожидания, что вслед за беспрецедентными финансовыми вливаниями в инфраструктуру Приморского края и Владивостока сюда поедут люди, не оправдались.

Есть три обстоятельства, которые не позволяют рассчитывать на изменение демографической ситуации на Дальнем Востоке за счет внутренних ресурсов России. Во-первых, общая тенденция сокращения численности

населения по стране. Во-вторых, незначительное число субъектов федерации с более низким уровнем жизни по сравнению с Дальним Востоком, откуда можно было бы ждать российских мигрантов. В-третьих, региональная специфика демографической структуры населения.

Существуют возможности привлечения населения извне. Их по меньшей мере три: репатриация соотечественников, проживающих за рубежом; привлечение мигрантов из ближнего зарубежья (из республик некогда единого союза), а также мигрантов из дальнего зарубежья, готовых связать свою судьбу с Россией. Так поддерживают свой демографический потенциал многие страны. Хорошо известен опыт США, Канады, которые ежегодно принимают более миллиона человек, Австралии – до полумиллиона, Сингапур принял в 2010 г. 500 тыс. мигрантов, в Таиланд в 2005 г. приехало почти полтора миллиона человек. С другой стороны, миграционными донорами являются такие страны как: Чили (в 2010 г. уехало 1,7 млн человек), Мексика (2,4 млн), Филиппины (0,9 млн), Перу, Индонезия, Вьетнам.

Что мешает принимать мигрантов в регионе, теряющем население?

Сколько бы мы ни стремились улучшить миграционное законодательство, результат будет неизменным, пока его исполнение остается в руках силовых структур. Как, например, можно декларировать интеграционные намерения и думать о добрососедстве, когда «созревшие головы», как говорит вице-премьер Д. Рогозин, готовятся к **жесткой конкурентной борьбе с великими хищниками в лице огромных соседних стран**. Нужна новая миграционная парадигма, ее внедрение в качестве пилотного проекта на локальной территории (пусть это будет Приморский край). Необходимо сформировать новую институциональную структуру, создать эффективный управленческий механизм, а главное – ясно понять главную цель: из демографической ямы нужно выбираться как можно быстрее. Без этого невозможно не только освоить ресурсы, но и удержать эту территорию.

Необходима последовательная синхронизация нашего миграционного законодательства с миграционными законодательствами стран АТЭС, потенциальных поставщиков мигрантов в направлении постепенного формирования общего рынка труда. Такое взаимодействие должна инициировать

именно Россия. Эту тему было бы актуально включить в повестку дня саммита во Владивостоке, но мы к ней оказались не готовы – ни в плане теоретической проработанности вопроса, ни тем более по институциональным основаниям.

Восточный вектор экономического развития России требует интенсивного инфраструктурного обустройства, обеспечения доступа к новым источникам природных и энергетических ресурсов, строительства жилья, создания цивилизованных условий жизни. Сделать это при убывающем населении невозможно, а территория без людей становится соблазнительным аргументом для пересмотра государственных границ. Поэтому наша задача заключается в том, чтобы обеспечить значительный рост населения на Дальнем Востоке. Рост демографического потенциала и улучшение его качественных характеристик возможен при условии ассимиляции и культурной интеграции славянских и азиатских народов.

Заключение

1. За счет собственного потенциала российский Дальний Восток не в состоянии решить проблему заселения и освоения этих территорий и наладить эффективное взаимодействие со странами АТР.

2. Протекционизм в отношении российского бизнеса, ориентированного на рынки стран АТР, обустроивающего свои управленческие центры, производственные площадки, участвующие в развитии социально-инфраструктурных комплексов и продвижении культурных смыслов должен стать основным содержанием такой государственной политики.

Важнейшей составляющей региональной государственной политики в отношении ее восточных территорий должно стать социокультурное развитие населения. Только при этих условиях может быть реализовано содержание понятия *Тихоокеанская Россия*.

Что такое Тихоокеанская Россия?

Взгляд экономиста

Николай Иванович Фокин,

кандидат экономических наук, профессор кафедры мировой экономики ДВФУ.

Экономисты, как известно, отвечают не потому, что знают ответы, а потому что им задают вопросы. Они даже не могут сказать, что такое экономика, и предлагают три взгляда на неё:

- предметный: экономика – это то, что она изучает;
- инструментальный: экономика – это то, чем она изучает;
- «подходный»: экономика – это то, как она изучает.

Предметный, или традиционный, рассматривает экономику как науку, содержание которой определяется её предметом, т.е. ресурсами, потребностями, связями на разных уровнях, включая и региональный.

Тихоокеанская Россия при этом видится как регион, ориентированный вовне: с ярко выраженной доминантой внешнеэкономической интеграции РФ в тихоокеанское пространство, с включенностью в американо-азиатско-тихоокеанские экономические связи. Такое понимание отличает Тихоокеанскую Россию от Дальневосточной России как региона, если строго придерживаться названия, ориентированного вовнутрь: с доминантой внутриэкономической интеграции, с включенностью во внутреннее экономическое пространство РФ.

Очевидно, что доминанта у территории, о названии которой мы спорим, внешнеэкономическая, потому что только 5% валового регионального продукта поставляется на внутренний рынок страны. Поэтому предметная экономика и даёт право на понимание Тихоокеанской России как региона РФ,

отличающегося от других преобладанием внешнеэкономической интеграции.

Именно такого взгляда придерживается политическая элита России, когда в качестве важнейшей миссии Приморского края определяет расширение сотрудничества Российской Федерации со странами АТР.

Но предметная экономика осталась в прошлом. Давно восторжествовал инструментальный взгляд, что подтверждается участвовавшим присуждением математикам, историкам и психологам Нобелевской премии по экономике. Новое понимание этой науки даёт основание видеть в ней набор инструментов для исследования любых экономических реалий независимо от их названия. Поэтому неважно, какое имя у территории и что под ним подразумевается. Следовательно, на вопрос: «Имеются ли основания называть регион Тихоокеанской Россией?» может быть только один ответ: «Да. Но такие же есть и для именованья его Дальневосточной Россией».

Но и инструментальная экономика постепенно уходит в прошлое. Дорогу пробивает так нескладно названный нами «подходный» взгляд. Он позволяет различить в экономике науку, которую среди других выделяют не границы предмета и не используемый инструментарий, а подход. Этот подход заключается в максимизирующем полезность поведении, стабильности предпочтений и наличии рынков, координирующих действия всех и вся. Он применим к чему угодно: браку, любви, сексу, запоям, зависти, полету бабочки... Экономика выступает как наука империалистическая, захватывающая все сферы не только социальной, но и биологической жизни. Ей не важно, что изучать – Тихоокеанскую или Дальневосточную Россию. При таком понимании целесообразность нового обозначения региона как Тихоокеанской России не просматривается.

Если суммировать все наблюдения, то приходим к двум выводам:

Вывод первый. Только в рамках старого традиционного взгляда на экономику можно обозначить восточную часть РФ как Тихоокеанскую Россию. Именно это название отражает разительные особенности региона: доминанту внешнеэкономической интеграции, тихоокеанскую направленность заграничной мобильности населения, связующую роль в связях евро-

пейской и сибирской России с Азиатско-Тихоокеанским сообществом. В таком случае дело остается за малым: после принятия нового названия вывести из него доктринальные идеи и практические действия. Первым из которых, возможно, станет признание Тихоокеанско-Азиатского, а не Азиатско-Тихоокеанского региона (поскольку есть Тихоокеанская Россия). Кто бы спорил: «Вначале было Слово...». Как судно назовешь, так оно и поплывёт.

Вывод второй. В рамках нового (инструментального) и новейшего («подходного») взглядов название региона не так уж и важно. Тихоокеанская Россия – это реалья уже существующая. Как и реалья Дальневосточной России. Кто бы спорил. Реалии и дела важнее слов. Потому что как судно ни назови, но если оно в рабочем состоянии и с опытной командой, то и плавание будет успешным.

Историко-культурное своеобразие Тихоокеанской России

Лидия Евгеньевна Фетисова,
кандидат филологических наук, веду-
щий научный сотрудник ИИАЭ ДВО
РАН.

Формирование российской границы по Тихоокеанскому побережью началось в XVII в. и практически завершилось к середине XIX в. Распространение русского влияния на восточной окраине сопровождалось стремлением представить историю региона органичной частью общероссийской истории. С XVIII в. информационное поле, питавшее общественную мысль, значительно расширилось за счет новой географии и новых народов. Благодаря географическим открытиям в северной пасифике к XIX в. в общественном сознании большинства россиян актуализировались представления о «величии» и «могуществе» страны, отражавшие стереотипы имперского мышления и закрепленные не только в идеологии, но и в культуре. На западе государства первоначально всё пространство от Урала до Тихого океана, называемое Сибирью, воспринималось как некий безграничный простор, являвшийся естественным продолжением Европейской России.

С точки зрения «антропологического освоения / присвоения» пространства колонистами можно говорить об организации нового «культурного ландшафта» этих земель, который чаще всего приходит в противоречие с «мифологией», уже существующей на данной территории. Однако героизация первопроходцев свойственна не только русской истории: она имела важное значение для формирования наций, способствуя закреплению общей национальной идентичности.

Большую роль в информационном освоении восточных земель сыграли художественные тексты, как фольклорные, так и литературные. В частно-

сти, в фольклоре дальневосточного казачества событиям, происходившим в регионе, придавался государственный масштаб, что, в общем, соответствовало действительности. Наиболее известные из таких произведений – исторические песни «Во сибирской *во украине*» [курсив наш. – Л.Ф.] – о защите Кумарского острога от маньчжуро-китайцев (1655) и «Песнь о переселении на Амур» – об отражении англо-французского десанта в заливе Де-Кастри (1855).

Со второй половины XIX в. популярные произведения чаще получали местную приуроченность. Например, такая замена места действия была произведена в песне «Вдоль по линии Китая [вместо Кавказа] млад сизой орел летал». Следовательно, присоединение Кавказа и присоединение Приамурья рассматривались дальневосточниками как равноценные. В балладе «Скакал казак через долину» во второй строке первоначально были кавказские поля, но участники военных действий в Китае во время боксёрского восстания заменили их «маньчжурскими полями». Характерно, что в такой редакции песня записывалась не только на Дальнем Востоке, но и на Дону. Гидроним Амур в казачьем фольклоре был столь же значимым, как Дон, Дунай, Волга: «Амур река большая», «Течет речка невеличка / Ко Амурскому полку», «Из походу удалого едут амурцы домой» и др. [ПФА РАН. 1913 г. Ф. 9, оп. 1, д. 993, л. 42].

Создание узнаваемого образа отдаленного региона было обусловлено прежде всего обращением к тем фактам дальневосточной истории, которые являлись значимыми для страны в целом. И первостепенную роль здесь сыграло художественное осмысление событий, что заметно обогатило тематическую палитру отечественной культуры, особенно литературы, традиционно являвшейся в России «владычицей умов». Воспоминания участников освоения Дальнего Востока стали заметным явлением литературной жизни. В конце XVIII–XIX вв. документально-художественные публикации занимали прочное место в кругу чтения образованного слоя российского общества.

Говоря об особенностях коллективной памяти, А.М. Панченко справедливо заметил, что «в памяти нации есть люди-символы и есть события»

символы»: Куликово поле, Полтава, Бородино и др. По мнению учёного, «в качестве символа избирались не лёгкие, а тяжёлые победы: подвиг и жертва неразделимы». В коллективном сознании вначале утвердились общие представления о подвиге русских землепроходцев, об открытиях «Колумбов Росских» в Тихом океане, а затем появилась конкретная информация о новых «событиях-символах», а также о «людях-символах», непосредственно связанных с этими событиями. На историческом отрезке со второй половины XIX в. по начало XX столетия главными символами можно считать поднятие русского флага в устье Амура, оборону Петропавловска 1854 г., заключение Айгунского договора (в меньшей степени – Пекинского), позже – русско-японскую войну 1904–1905 гг.

Имена мореходов, а также исследователей материковой части Дальнего Востока дополнили список «людей-символов», чьи деяния представлялись значимыми для истории отечества. Высокая оценка своей миссии роднит между собой многих мореплавателей, чем объясняется заметная пафосность их документально-художественных текстов. Этот подход ясно виден в записках столь разных авторов, как Г.И. Давыдов, Г.А. Сарычев, И.Ф. Крузенштерн, Ю.Ф. Лисянский, В.М. Головнин, Ф.П. Врангель, Ф.П. Литке, А.А. Лазарев, Л.А. Загоскин и др.

Характеризуя отношение к дальневосточным землям как к российской территории, следует помнить, что общественное сознание россиян не было монолитным. Не удивительно, что различной была и оценка значимости присоединения новых земель со стороны рядовых граждан и правящей элиты (которая, надо сказать, также не имела единого мнения). Однако люди, непосредственно участвовавшие в освоении далёкой окраины, в большинстве своём считали это делом государственной важности. Например, Ю. Завойко, супруга бывшего начальника Камчатки, из 15-летнего пребывания на востоке страны выбрала для своих воспоминаний период 1854–1855 гг., на который пришлось оборона Петропавловска и защита залива Де-Кастри от англо-французской эскадры. Уже с первых страниц автор объяснила свой выбор желанием «поделиться воспоминаниями о событиях знаменательной эпохи, в настоящее почти изгладившихся из памяти и, ве-

роятно, весьма многим даже и вовсе неизвестных». Из этого следует, что непосредственные участники и очевидцы происходящего на Тихоокеанском побережье были вполне единодушны в оценке ситуации как исторически значимой для России.

Примечательно, что граф Н.Н. Муравьев-Амурский более всего дорожил именно амурским периодом своего пребывания в Сибири. В 1868 г. он писал генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Карсакову (Корсакову) из Парижа: «Поздравляю с десятилетием этого капризного ребенка [речь идет об Амуре. – Л.Ф.]... ребенок этот мне все-таки дорог, и мне весьма любопытно знать, как он растет и процветает». Думается, не случайно И. Барсуков, подготовивший к изданию собрание писем бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири, отмечал: «То время было живое, поднявшее общественную жизнь. Присоединение Амура произвело сильное впечатление не только в Сибири... Оно послужило и к умственному возбуждению в русском обществе».

Для большинства русских людей безусловными героями стали землепроходцы, направлявшиеся «встречь солнца», начиная с Ермака. Высокая оценка их деятельности была обусловлена убежденностью, что распространение русского православного влияния на восточные территории надо считать осуществлением «божественного промысла». Такая концепция исторического пути России восходит к провиденциализму русской средневековой философии. Е.К. Ромодановская выявила это направление в сибирских художественных текстах XVII в., уточнив, однако, что авторам приходилось доказывать право Российского государства на владение Сибирью. Тот же подход видим в трудах большинства русских мореплавателей, которые единодушно отмечали заброшенность открываемых земель и «дикость» местных народов.

В современном общественном сознании достаточно прочно утвердилась идея евразийства как особого пути, обусловленного «срединным» положением нашего государства. Известный ученый Б.А. Успенский в связи с этим писал: «Россия осмысляет себя как пограничная территория, в частности, как территория, находящаяся между Востоком и Западом: это Запад на

20

Востоке и вместе с тем Восток на Западе». Однако до сих пор существует двойственное восприятие Азиатской части страны. Положительное отношение в значительной мере обусловлено романтизацией самого процесса расширения государственных границ с идеализацией его наиболее заметных участников. Отрицательные оценки во многом связаны с дегероизацией некоторых «личностей-символов», например Е.П. Хабарова, Г.И. Давыдова и Г.А. Хвостова. Наряду с этим нельзя не заметить, что в наши дни также имеет место процесс вторичной романтизации эпохи русских географических открытий в Тихоокеанском регионе.

Следует ещё раз подчеркнуть, что в значительной степени благодаря документально-художественным публикациям информация о недавно открытых дальневосточных землях и сопредельных азиатских странах становилась достоянием широкого круга россиян, прежде всего представителей интеллектуальной элиты, т.е. людей, имеющих вес в общественной жизни. Реалистическое описание маршрута экспедиции, характерное для жанра путешествий, было не просто данью «литературному этикету», но и возможностью узаконить право первооткрытия перед лицом мирового сообщества. Можно утверждать, что к началу XX в. произошло «литературное освоение» не только восточных рубежей России, но и сопредельных азиатских стран. Литературная традиция (пусть не прямо, но опосредованно) способствовала формированию определенных стереотипов в общественном сознании, в том числе о праве России на восточные земли.

Таким образом, события, происходившие на Дальнем Востоке, стали достоянием национальной исторической памяти и общественного сознания не только в результате научного осмысления или идеологического диктата, но в ещё большей степени благодаря отображению в разных видах искусства, прежде всего – искусства слова. В литературе XX в. продолжалась разработка тем, уже выявленных дальневосточными авторами как основные: природные особенности, историческое прошлое, коренные народы. Произведений В.К. Арсеньева и А.А. Фадеева достаточно, чтобы подтвердить своеобразие региона, неповторимость его облика, базовыми компонентами которого являются тайга и море. Эти природные феномены оказы-

вали мощное влияние на художественное мышление людей, живших здесь даже недолгое время. В подтверждение этой мысли можно привести выдержку из дневника М. Пришвина за 1933 г.: «Мне удалось в этом году написать вещь – «Корень жизни», которая сама по себе лучше других моих вещей».

Неповторимая «историко-ландшафтная энергетика» сформировала на востоке страны «особое ментально-географическое пространство, особую региональную идентичность». Этот процесс, по мнению В.А. Тураева, пугал правительство и удивлял жителей «коренной» Европейской России, но в конце XIX в. на поверку оказался «не только неопасным, но и спасительным».

Дальний Восток – та часть России, благодаря которой наша страна вошла в состав Азиатско-Тихоокеанского региона. Сохранение живого пространства русского языка – важное условие существования Тихоокеанской России, а фольклор и литература являются формами функционирования национального языка. О цивилизационной роли русского языка напомнил академик РАН В.А. Тишков в проекте «Российская нация: становление и этнокультурное многообразие». В распространении на большей части территории Евразии русского языка учёный видит цивилизаторскую миссию российской нации [видеоканал «ACADEMIA», 22 февраля 2011 г.]. Трансляция культурных ценностей, созданных (и создаваемых) на основе русского языка, позволяет Российской Федерации занимать достойное место среди стран АТР.

Тихоокеанская Россия в центр-периферийном дискурсе

**Анатолий Евгеньевич Сав-
ченко,**

кандидат исторических наук,
научный сотрудник ИИАЭ
ДВО РАН.

В данном докладе речь пойдёт о политической составляющей понятия «Тихоокеанская Россия», которое может быть рассмотрено в трёх измерениях:

Во-первых, в рамках антипериферийного дискурса. Дальний Восток, с одной стороны, самый периферийный регион, но, с другой стороны, он не желает мириться с этим статусом, стремясь стать ещё одним центром. Показательны периодически появляющиеся идеи переноса столицы на восток страны. Региональная политическая элита отчаянно пытается преодолеть свою периферийность. В этом контексте само понятие «Тихоокеанская Россия» как бы напоминает нам о том, что Дальний Восток тоже Россия и должен рассматриваться как равноправная её составляющая, но это Россия, будущее которой связано с вхождением в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Во-вторых, востребованность понятия «Тихоокеанская Россия» отражает конкуренцию за внимание Москвы и те ресурсы, которые следуют за ним. Это стремление не только завладеть вниманием Центра, но и увеличить долю в перераспределяемом им ресурсном потоке. Не зря термин «Тихоокеанская Россия» был подхвачен некоторыми региональными политиками (но не московскими). При этом имеется двойная конкуренция: уходящий корнями в столыпинские времена вопрос о логике и последовательности подъёма России: откуда он должен идти, обязано ли государство сначала вложиться в центральные районы и потом от этого мощного ядра

идти на окраины, или же сначала двинуться на окраины и с помощью освоенных здесь ресурсов развивать и усиливать всю страну?

Полпред в ДВФО В.И. Ишаев считает, что если Россия и может выйти на темпы роста 6–7% в год, то только подключившись к процессам в АТР через Дальний Восток. Но есть также позиция учёного и политика В. Иноземцева: незачем сейчас развивать этот регион, так как это будет демонстрация на весь мир нашей неэффективности и консервация сырьевой направленности РФ. Этот спор удивительно точно воспроизводит дискуссии в Государственной думе в начале XX в. Первый уровень конкуренции Центра и окраин – по линии западники / евразийцы и по линии приоритетов: ставим ли мы во главу угла социальную политику, т.е. интересы населения (которое сосредоточено в европейской части страны), или же геополитические и геоэкономические интересы государства в целом. Не случайно наиболее активные дальневосточные губернаторы любят выступать в качестве не только государственников, но и геополитически и стратегически мыслящих деятелей.

Но есть и второй уровень конкуренции за ресурсы – по линии Дальний Восток и другие периферийные регионы. Дальневосточники воспринимают свой регион как уникальный и важнейший, для Центра же он один из многих. И надо ещё доказать, почему Дальний Восток должен быть более (или хотя бы не менее) важным, чем, допустим, Кавказ или Сибирь. И здесь именно геоэкономика, выход Дальнего Востока в АТР является веским аргументом в конкуренции за внимание Москвы.

Можно выделить и третье измерение. Оно основано на более фундаментальном аспекте, который тесно связан с предыдущими двумя. Сам концепт «Тихоокеанская Россия», как мне кажется, имеет определённый исторический фундамент. Он плотно связан с цикличностью дальневосточной политики Центра. Если быть точным, то не столько с самой цикличностью, сколько со стремлением её преодолеть.

В основе этой цикличности лежит переменная, выражающая соотношение между угрозами и обременительностью Дальнего Востока для Москвы, с одной стороны, и его потенциальными преимуществами – с другой.

Дальневосточная политика, если иметь в виду вторую половину XX – начало XXI вв., периодически меняет своё содержание, стремясь либо нейтрализовать эти «угрозы», либо реализовать «преимущества» Дальнего Востока. При этом одни и те же факторы могут менять свою роль, выступая в разные периоды или потенциальной «угрозой», или же «преимуществом».

Но отчего зависит эта перемена? В качестве ответа хорошо подходит гипотеза Л.Е. Бляхера о «политических мифах» Дальнего Востока, когда всё, что свидетельствует о бедности и неразвитости этой территории, «нейтрализуется» термином «осваиваемый». Есть соотношение между неразвитостью и потенциалом: если у нас в 2008 г. на АТЭС приходилось 20% товарооборота – это понимается как потенциал для развития. То есть отставание воспринимается как потенциал, при этом ресурсы, которые нужны для его реализации, как бы выводятся за скобки. В итоге складывается картина богатого региона, для реализации потенциала которого необходимо лишь приложить особые усилия.

Главным субъектом, от которого мы можем ожидать таких усилий, является государство – состояние его финансовых и управленческих ресурсов и определяет как взгляд Центра на Дальний Восток, так и стратегию региональных элит в конкуренции за внимание и деньги Москвы.

Поскольку я немного знаком с архивными документами по отношениям *Центр – регион* в советское и постсоветское время, то могу уверенно сказать, что в периоды укрепления государства (особенно если на горизонте виднеются планы по модернизации страны) региональная элита упирает именно на потенциал Дальнего Востока, который необходимо реализовать. Если же государство находится в кризисе и у него слишком мало ресурсов, то губернаторы забрасывают Центр предупреждениями о близящейся катастрофе, от которой Дальний Восток надо спасти (прежде всего в сфере энергетики, транспорта).

В исторической ретроспективе второй половины XX в. выделяется три пика дальневосточной политики, три «ступени» на пути к концепции «Тихоокеанской России». Это были периоды, когда государство осознавало, что Дальний Восток – не только военный форпост и сырьевой резерв. Пер-

вый такой период – время Н.С. Хрущёва. В его заявлении, что Тихий океан объединяет СССР и США, и в проекте «Большой Владивосток» проступает прообраз программы подготовки к саммиту АТЭС 2012 г. Следующий пик дальневосточной политики – эпоха М.С. Горбачёва, долговременная государственная программа развития Дальнего Востока и Забайкалья. Тогда мало что смогли сделать, но планы были масштабные, и по духу они подходили на современные. Следующий пик – это сегодняшний день. Правда, в течение второй половины XX в. менялись позиции страны в мире и её возможности по развитию Дальнего Востока. Причём перемена шла в направлении от более к менее благоприятным условиям: в середине 1950-х – 1960-х гг. мы были в АТР технологическим лидером, в 1980-х гг. ещё оставался относительный задел, но примерно тогда же приходило понимание, что развитие этого региона не под силу одному государству, при том, что тогда это был гораздо более мощный в плане ресурсов СССР. В то время прозвучал тезис М.С. Горбачёва о необходимости «поставить внешнеэкономические связи на службу развития Востока страны». В 1990-е гг. внешнеэкономические связи должны были сыграть и отчасти сыграли свою роль в деле не столько развития, сколько социально-экономического спасения Дальнего Востока.

В настоящее время Дальний Восток уже «спасли», более того, основные инфраструктурные проблемы решаются, и концепт «Тихоокеанская Россия» можно рассматривать как попытку региональной, интеллектуальной и политической элиты повлиять на «перезагрузку» дальневосточной политики Москвы. Уже не столько боязнь потерять Дальний Восток и не угрозы катастрофы, но именно геоэкономический потенциал региона должен быть поставлен во главу угла в дальневосточной политике.

И последнее, я возвращаюсь к предположению, что Центр, предпринимая какие-то шаги на Восток, становится всё более заинтересованным в преодолении цикличности дальневосточной политики. Здесь работает чисто политическая логика, которую можно увидеть в простом примере. 22 ноября 2012 г. вице-премьер Правительства Игорь Шувалов заявил во Владивостоке, что Приморский край получит льготное налогообложение.

Главный мотив этого решения: в регион вложены огромные средства, и он должен показывать рост не меньший, чем при государственных инвестициях. Это говорит о том, что Москва заинтересована, чтобы её не обвинили в пустой трате денег на громкие дальневосточные проекты (а такие обвинения уже звучат). Для этого Центру необходимо получить подтверждение эффективности дальневосточной политики, прежде всего, в виде социально-экономического роста на этой территории, поэтому можно предположить, что ближайшее время будет посвящено поиску оптимальных условий для развития Дальнего Востока: льгот, управленческих инноваций и т.д. Так что сам концепт «Тихоокеанская Россия» приходится к месту и ко времени.

Для заметок